

варищества, легкомыслием. Нередки случаи, когда подростки из лжеотваривающих берут вину за совершенное другими преступление на себя, а сотрудники правоохранительных органов, не обладая достаточной компетентностью в вопросах педагогики и психологии подростков, не всегда объективно оценивают и правильно квалифицируют содеянное. Криминологические и психологические исследования личности несовершеннолетнего преступника свидетельствуют о том, что на формирование психики подростка оказывают серьезное влияние объективные противоречия, существующие в реальной жизни. Для проведения профилактической работы по предупреждению преступлений, совершаемых подростками, необходимо объединить усилия сотрудников органов внутренних дел с социальными педагогами, психологами, предварительно изучив психологические особенности несовершеннолетних и специфику формиро-

вания психологического механизма преступного поведения.

Малюшина Юлия Алексеевна,
соискатель Курганского государственного университета, заведующий кабинетом кафедры общей и социальной психологии, преподаватель Курганского государственного университета, внештатный сотрудник ОМ «Октябрьский» УВД по г. Кургану
levretka_juliya@mail.ru

Литература

1. Бочкарева Г.Г. Зависимость преступного поведения несовершеннолетних правонарушителей от их податливости групповому влиянию. М.: Юрисп., 1999.
2. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2006.
3. Якобсон П.М. Психологические проблемы мотивации поведения человека. М.: Просвещение, 1989.

Истина в уголовном судопроизводстве России и Армении*

В центре внимания автора в данной статье находится вопрос об истине в уголовном судопроизводстве и проблемы практического преломления его в практике правосудия в Армении и России. Подчеркивается значение этого вопроса для идеологии уголовного процесса и его влияния на практику деятельности правоохранительных органов. Отмечается, что он связан с проблемой реализации принципа состязательности в уголовном судопроизводстве обоих названных государств. Анализ и сравнение законодательства позволяет определить общее направление развития уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: истина, идеология, состязательность, форма, содержание.

The cornerstone of this article is the issue on truth in legal proceedings and practical implementation problems in judicial practice in Armenia and Russia. The importance of this issue is emphasized for the ideology in criminal proceedings and its influence in the practice of law enforcement bodies. It is pointed out that it is connected with the problem of implementation of adversarial principles in criminal legal proceedings in both mentioned countries. The analysis and comparison of legislation allows to define general scope of development in criminal-procedural legislation.

Key words: truth, ideology, competition, form, content.

В науке уголовного процесса есть вопросы, которые являются предметом постоянного обсуждения. В определенных периоды они могут несколько затихать, но затем вновь усиливаются и разгораются с новой энергией. Иногда складывается впечатление, что несмотря на годы дискуссий стороны, придерживающиеся разных позиций, так и не нашли общих точек соприкосновения. Поэтому спор становится вечным, так как никто в ходе его не слышит другого, а лишь стремится к тому, чтобы услышали его и приняли только его взгляды. В связи с этим возникает сомнение относительно того, не являются ли эти вопросы оторванными от действительных проблем, которые встают перед практикой и в решении которых должна помочь наука.

К одному из таких вопросов, которые являются предметом постоянных обсуждений, относится и вопрос об истине в уголовном судопроизводстве. «Что есть истина?» — постоянно задается вопрос применительно к уголовному судопроизводству. Задается он так часто, что может сложиться впечатление, что от ответа на него зависит чья-то судьба. Но, как ни странно, ответа на него, который удовлетворил бы всех, до сих пор нет.

В итоге этот вопрос все более становится похожим на риторический. Задающие его не ждут на него ответа. Задается он лишь для того, чтобы обозначить свою позицию в уголовном процессе, самоидентифицировать себя, обозначив как приверженца той или иной позиции по данному вопросу.

Ответа, который можно было бы назвать единственным верным, нет не только в теории науки уголовного процесса, но достигнут он и среди законодателей различных стран, в том числе и стран СНГ. Так, если в УПК РФ нет упоминания об истине, то в УПК Республики Армения понятие истины хотя и не определяется, но исполняется. В ч. 4 ст. 23 УПК Республики Армения сказано: «Суд не связан мнением сторон и вправе по собственной инициативе принимать необходимые меры к установлению истины по уголовному делу».

Вопрос об истине, как представляется, — это вопрос выбора идеологии уголовного судопроизводства. Истина — это такое понятие, которое почему-то стремятся наполнить тоталитарной идеологией. А.Я. Вышинский писал: «Советский суд, советские судьи, владеющие могучим оружием материализма, смогут выполнить

свой ответственный долг, тщательно и добросовестно вникая в существо, характер, качество фактов, с которыми им приходится иметь дело, анализируя их с сознанием всей лежащей на них ответственности перед своим народом и государством, убежденные в том, что произнесенные ими слова осуждения или оправдания рождены исканием правды, наполнены истиной и стремлением честно послужить своей Родине»¹. Как видно, истине в идеологии тоталитаризма отводилось центральное место. Вполне справедливо высказывание П.А. Лупинской, которая пишет: «Требование достижения истины по каждому делу присуще инквизиционному процессу, который предоставлял возможность использовать для этого любые средства, в том числе те, которые несоместимы с защитой жизни, здоровья, чести и достоинства человека»². Именно поэтому И.Л. Петрухин пишет: «УПК 1960 г. до того, как его «подправили» в ряде своих решений Конституционный Суд РФ, в значительной мере опирался на постулаты средневековой инквизиции, что соответствовало уголовной политике того времени»³. То есть, «как бы ни привлекательно звучала идея достижения истины в уголовном судопроизводстве, ее реализация в практике деятельности правоохранительных органов приводит к негативным последствиям, которые состоят в том, что истина подменяется суррогатом, состоящим зачастую из «выбитых» признательных показаний и иных фальсифицированных доказательств»⁴.

Изложенное позволяет сделать вывод, что истина не может быть содержанием современного уголовного процесса, основанного на принципе состязательности сторон. Истина является содержанием инквизиционного процесса, так как в полной мере отображается в характерных для него процедурах, когда виновность лица predetermined уже тем, что оно привлечено в качестве обвиняемого. Всякое желание увидеть в истине содержание уголовного процесса основано либо на ностальгических переживаниях отдельных правоприменителей и теоретиков, которые хотят видеть в тоталитарном прошлом Советского Союза только хорошее, либо на рецидивах тоталитарного сознания. Вполне понятно, что подобный подход к определению содержания уголовного процесса далек от научности, так как он в большей мере отображает эмоциональное отношение конкретных людей к современной действительности и к прошлому.

Если в качестве содержания уголовного процесса принимать истину или процесс ее достижения, то в этом случае формой уголовного процесса будет инквизиционный уголовный процесс. Однако в настоящее время все государства СНГ признали необходимость проведения судебных реформ, целью которых является введение состязательного уголовного процесса. Состязательный процесс в наибольшей мере соответствует основам демократического государства, что является общепризнанным. Вполне очевидно, что приоритеты и основания этого процесса коренным образом отличаются от инквизиционного. Эти отличия состоят прежде всего в иной форме: уголовного процесса, которая выражается и во введении суда присяжных, и в системе гарантий прав всех участников уголовного судопроизводства (включая обвиняемых и потерпевших). Данные отличия в форме обусловлены отличиями в содержании, поскольку в форме отображаются содержание, что является

следствием постулата: «Форма содержательна, содержание оформлено. Одно без другого не существует»⁵. По этой причине неверным было бы говорить о том, что содержание уголовного процесса остается неизменным в различные исторические периоды развития государств и вне зависимости от политических режимов, которые существуют в этих государствах. Изменения в форме уголовного судопроизводства являются показателем изменений его содержания.

Желание видеть истину в качестве содержания уголовного судопроизводства — это не что иное, как стремление подвести основу к реставрации ранее существовавшего инквизиционного уголовного процесса. Однако, как известно, дважды в одну реку войти нельзя, возвращение к тем формам уголовного судопроизводства, которые не вписываются в требования демократии, является для общества неприемлемым. Поэтому нельзя, характеризуя современный состязательный уголовный процесс, утверждать, что его содержанием по-прежнему является истина. Содержание, безусловно, уже иное. Но прежде, чем попытаться ответить, какое же, заметим, что отрицание того, что истина не может являться содержанием состязательного уголовного процесса, вовсе не означает отрицания ее существования в уголовном судопроизводстве. Она существует, но существует лишь как аргумент в споре. Следует согласиться с мнением, высказанным Н.А. Подольным и Д.А. Урявиным, которые пишут следующее: «Никто не спорит о том, что для истины должно быть место в современном уголовном судопроизводстве. Но это место должно быть более скромным. Истина должна рассматриваться прежде всего как аргумент в споре между сторонами. При чем аргумент очень весомый, поскольку сторона, им обладающая, способна серьезно укрепить свои позиции с его помощью»⁶. То есть вполне очевидно, что громкое заявление: «Мы придерживаемся следующей точки зрения: истина все-таки существует и устанавливается в ходе производства по уголовному делу, являясь целью доказывания», является свидетельством непонимания автором сути развернувшейся дискуссии. Никто не спорит относительно существования истины в уголовном процессе. Спор идет о другом: всегда ли истина лежит в основе принятия уголовно-процессуального решения и следует ли это понятие включать в Уголовно-процессуальный кодекс. П.А. Лупинская приводит весьма весомый аргумент относительно того, что истина далеко не всегда является основанием принятия процессуального решения. Так, она пишет: «Правила вынесения оправдательного приговора иные, поскольку закон не требует достоверного установления виновности лица (недоказанная вина, есть доказанная невиновность)», а принцип презумпции невиновности требует толковать неустранимые сомнения в виновности лица в его пользу»⁸. Имеются и другие случаи, когда решение выносится не на основании установленной истины. Так, в соответствии со ст. 36 УПК Республики Армения производство по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 33 УПК Республики Армения, прекращается при наличии примирения между потерпевшим и обвиняемым. Аналогично решается данный вопрос и в УПК РФ. В соответствии со ст. 25 УПК РФ: «Суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора вправе на основании заявления по-

* Dilbandyan S.A. Truth in criminal proceedings of Russia and Armenia

терпевшего или его законного представителя прекратить уголовное дело в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, в случаях, предусмотренных статьей 76 Уголовного кодекса Российской Федерации, если это лицо примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред. Понятно, что в этом случае в основе принятого решения будет не установленная истина, а примирение обвиняемого и потерпевшего. Истина может так и остаться не установленной правоохранительными органами. При этом такое решение будет вполне справедливым, поскольку оно отвечает интересам и потерпевшего и обвиняемого. И.Б. Михайловская в связи с тем, что форма современного уголовного процесса сильно изменилась, отмечает: «Следует признать требующую корректировки... роль суда как искателя истины»⁹. То есть никто не утверждает, что искания истины в уголовном процессе закончились. Утверждается лишь то, что истина перестает абсолютизироваться и не рассматривается более как самодевлеющая ценность. Кроме того, уголовно-процессуальное законодательство рассматривает в качестве приоритетной ценности права и свободы человека и подчиняет им все остальное. Поэтому истину следует рассматривать лишь как одно из средств, с помощью которого можно обеспечить названные права и свободы. В качестве содержания современного состязательного уголовного процесса истина больше выступать не может.

Отличия в содержании уголовного процесса советского периода развития государства и того уголовного процесса, который сформировался в настоящее время закономерно влекут и различия их уголовно-процессуальных форм. Так, для инквизиционного уголовного процесса, так же как и для неоинквизиционного (каковым, по существу, был советский уголовный процесс), форма необходима для отыскания истины, а не для защиты прав и свобод лиц, участвующих в судопроизводстве. То есть она полностью отражает содержание инквизиционного процесса. Свидетельством тому являются тезисы доклада «Вопросы уголовного судебного процесса», утвержденного V Всероссийским съездом деятелей советской юстиции в 1924 г. Там сказано: «2. Процессуальные формы являются, однако, не только внешним условием отыскания истины, но и единственными условиями, решительно влияющими на самую возможность этих отысканий»¹⁰. Здесь ни слова не сказано о том, чтобы использовать уголовно-процессуальную форму для защиты прав и свобод граждан или для обеспечения состязательности в ходе судопроизводства.

Форма современного уголовного процесса свидетельствует о том, что его содержание не истина, а что-то другое. Но что? Представляется, что содержанием является состязание между сторонами в ходе уголовного процесса. То есть, иначе говоря, спор. На это указывает и сама характеристика современного уголовного процесса как состязательного, т.е. основанного на споре сторон. Именно в связи с этой особенностью современного уголовного процесса А.Г. Смолин предлагает рассматривать обвинение как публичный иск. Он пишет: «Исковой способ производства является универсальным для состязательной формы правосудия»¹¹. То есть не вызывает сомнений то, что в основе совре-

менного уголовного процесса лежит стремление разрешить определенный спор, который возник между сторонами. При этом такое разрешение предполагает защиту прав и свобод, а также учет интересов лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве.

Такой подход к характеристике уголовного процесса, высказанный А.Г. Смоллиным, является достаточно смелым и нестандартным. Но при вдумчивом анализе этой позиции представляется, что в ней есть рациональное зерно, благодаря которому будет возможна такая унификация уголовного процесса, которая позволит говорить в целом о судебном праве и судебном процессе, а не об уголовно-процессуальном и гражданско-процессуальном.

То, что спор, а не истина — содержание современного уголовного процесса, является объяснением особенностей состязательной процессуальной формы, которая предполагает наличие гарантий того, что каждая из сторон имеет возможность привести свои доводы в обоснование занятой позиции. Именно поэтому в соответствии с ч. 5 ст. 23 УПК Республики Армения «стороны, участвующие в уголовном судопроизводстве, наделены уголовно-процессуальным законодательством равными возможностями отстаивать свою позицию». Без спора и условий, гарантирующих равенство сторон в нем, невозможно какое-либо движение в уголовном судопроизводстве. Поэтому спор необходимо рассматривать как двигатель уголовного судопроизводства, а потому именно он является содержанием состязательного уголовного процесса.

Как видно, вопрос об истине имеет практическое преломление для уголовного судопроизводства. От ответа на него зависит, быть или не быть реализации принципа состязательности в практике деятельности органов правосудия. Являясь идеологическим вопросом, он определяет и направление развития уголовного судопроизводства соответствующей страны. Не подвергая сомнению то, что истина в уголовном судопроизводстве должна достигаться и достигается в отдельных случаях, следует отметить, что истина для уголовного процесса демократического государства не является самоцелью, а может рассматриваться лишь как аргумент в споре сторон, а потому не нуждается в законодательном закреплении. Ее закрепление в законе может обозначать реанимацию галитарных традиций в судопроизводстве, что для дальнейшего демократического развития недопустимо.

*Дилбандян С.А.,
заведующий кафедрой уголовного процесса и
криминалистики юридического факультета
Бреговского государственного университета,
кандидат юридических наук
iravdilbandyan@rambler.ru*

¹ Вишинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1950. С. 202.

² Лушинская П.А. Доказательственное право в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации: материалы международной научно-практической конференции, посвященной принятию нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. М., 2002. С. 80.

³ Петрухин И.В. От истины к праву — к состязательности // Государство и право. 2003. № 7. С. 29.

⁴ Подольный Н.А. Категория справедливости в УИК РФ — изменение системы ценностей в уголовном процессе России: материалы международной научно-практической конференции «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: год правоприменения и преподавания». М., 2004. С. 52.

⁵ Алексеев П.В., Новицкая А.В. Фивис София. М.: ТК Велби, Проспект, 2003. С. 472.

⁶ Подольный Н.А., Урфин Д.А. Справедливость и правдивость в уголовном судопроизводстве // Следователь. 2009. № 3. С. 44-49.

⁷ Весевин А.А. О возможности и необходимости установления истины в ходе производства по уголовному делу // Адвокат. 2009. № 5. С. 79.

⁸ Лушинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательства и практика. М.: Юрсти, 2006. С. 101.

⁹ Михайловская И.Б. Настоящая книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М.: ТК Велби, Проспект, 2006. С. 173.

¹⁰ V Всероссийский съезд деятелей советской юстиции. М., 1924. С. 19.

¹¹ Смолин А.Г. Спенко о признании уголовного иска. Саранск: изд-во Мордов. ун-та, 2005. С. 21.

Роль МВД в цензурной политике до образования Главного управления по делам печати*

В начале 60-х годов XIX в. в Российской империи в ходе буржуазно-демократических реформ происходит изменение в организации цензуры. Власть признает возрастание влияния прессы на общественное мнение и за счет реорганизации цензуры пытается усилить контроль над ней, использовать средства массовой информации в своих интересах. Цензура переходит в ведение МВД. Ведущую роль в этой реорганизации сыграл министр внутренних дел граф П.А. Валуев. Он создает систему поддержки прессы, лояльной власти. Основным органом государства, осуществляющим цензуру и проводившим политику власти в отношении средств массовой информации, становится Главное управление по делам печати МВД Российской империи.

Ключевые слова: Министерство внутренних дел Российской империи, цензура, Главное управление по делам печати Министерства внутренних дел, Главное управления цензуры Министерства народного просвещения, пресса, журналистика.

In the beginning of 1860-s in the course of bourgeois-democracy reforms in the Russian Empire the change in organization of censorship took place. The authorities recognize increase of impact of press on public opinion and at the account of reorganization of censorship try to strengthen control thereof, use the means of mass media in its own interests. The censorship was transferred to the MVD. The leading role in this reorganization was played by the Minister of internal affairs count P.A. Valuev. He created the system of support of press loyal to the authorities. The Main Department of Publishing Issues of the MVD of the Russian Empire has become the main agency of the state effectuating censorship and policy of the authorities with regard to mass media.

Key words: Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire, censorship, Main Department of Publishing Issues of the Ministry of People's Education, press, journalism.

С 1804 по 1862 г. цензура в России находилась в ведении Министерства народного просвещения (в 1817–1824 гг. — Министерства духовных дел и народного просвещения). В 1804–1826 гг. она подчинялась Главному управлению училищ, в 1826–1828 гг. — Верховному цензурному комитету, в 1828–1862 гг. — Главному управлению цензуры, в 1863–1865 гг. — Совету министра внутренних дел по делам книгопечатания, в 1865–1917 гг. — Главному управлению по делам печати¹.

Предложение о том, чтобы цензура перешла под опеку Министерства внутренних дел, было высказано министром народного просвещения Е.В. Пугачевым, mentioning на этом посту Е.П. Ковалевского в 1861 г. В первую очередь он отметил возросшую роль журналистики, ее «разрушительное направление» и «весьма вредное» влияние на общество. При этом цензура бесцельна что либо предпринять, так как «журналисты находят, к сожалению, сочувствие к себе большинством», «и на их стороне общественное мнение». Министр предложил усилить для периодики систему залогов, когда власть имела бы возможность «в случае уклонения от «ближайшего» издания оштрафовать изда-

теля или редактора, используя залог. Далее Пугачев логично приходил к выводу: «Но при этих условиях, дающих цензуре характер как бы карательный, она не может оставаться при Министерстве народного просвещения, а по естественному порядку должна перейти в Министерство внутренних дел».

Граф Пугачев этим самым открыто высказал то, на что уповали многие высшие чиновники. Без сомнения, Министерство внутренних дел имело значительно большие возможности в борьбе с «разрушительными началами», могло предпринять более действенные меры против печатных изданий, выходящих за рамки дозволенного цензурой и распоряжениями властей. Устраняясь и двойственное положение цензурного ведомства. Фактически министр народного просвещения граф Е.В. Пугачев предопределил значительный поворот в деятельности российской цензуры. Для обсуждения поставленной им проблемы 22 ноября 1861 г. был организован подготовительный комитет под председательством А.А. Берте.

Проблема реорганизации цензуры решалась несколько позднее и другими государственными деятеля-

* Ambros'ev A.V. Role of the MVD in Censor Policy before Creation of the Main Department of Publishing Issues